

Мариса

Мартинова

Восточно-Казахстанский музей искусств

ФРОНТОВОЙ БЛОКНОТ ХУДОЖНИКА (ГРАФИКА Б.И. ФРАНЦУЗОВА В МУЗЕЕ УСТЬ-КАМЕНОГОРСКА)

Великая Отечественная война осталась в хрониках любой казахстанской семьи. В военное и послевоенное время до неузнаваемости изменился наш город и его жители. Сейчас нам дороги любые документальные свидетельства того времени. В фондах Восточно-Казахстанского музея искусств хранится бесценная реликвия – фронтовой блокнот усть-каменогорского художника Бориса Ивановича Французова – своеобразный изобразительный дневник войны, часть экипировки художника, подобная оружию солдата Французова. Карманный формат блокнота, как нельзя лучше, соответствовал его назначению. Это небольшая книжка в обложке из твердого картона с листами тонкой ватманской бумаги размером 15х11,5 см. В блокноте – рисунки, короткие записи, выполненные рукой художника остро заточенным простым карандашом. Уголки и края блокнота заметно обветшали. На обложке сохранились лишь отдельные буквы от некогда пропечатанных слов «Тетрадь для эскизов (может быть, рисования?)». Синий с белыми (под акватинту) пятнышками форзац раскрывается сложенным вдвойне форматом и на внутренней чистой стороне уже имеет рисунки. Первоначально все листы блокнота открывались таким двойным форматом. Сейчас только 22 из них закреплены в книжном блоке, восемь – оборваны по сгибу. Желтоватая от времени бумага имеет следы неизбежных бытовых загрязнений и растертого грифеля. Одна половинка синего «акватинтного» нахзаца утеряна. Несмотря на утраты данная реликвия ценна, прежде всего как документальное свидетельство войны, увиденной глазами талантливого художника.

Феномен художественного дарования Б.И. Французова в том, что сформировался он на войне. Ранение, полученное на фронте, последующая инвалидность стали препятствием для осуществления мечты о высшем специальном образовании. Судьба распорядилась так, что университетом его стал фронтовой окоп. В нем он осознает себя графиком, там обретет главные темы в творчестве.

В 1914 году трехлетний Борис лишился отца, призванного на фронт. Его мама, Анна Клементьевна, искала любую работу и перевезла детей (а их в семье было трое) из Усть-Каменогорска, где родился Борис, в Риддер. Там он закончил школу, потом фабрично-заводское училище, работал на железной дороге Риддерского горно-металлургического комбината. В предвоенные годы жизнь его складывалась как у большинства юношей из рабочих семей. И в России, и в Казахстане все хотели учиться. Молодой Французов с детства мечтал о живописи и рисовании. Дядя Бориса (брат матери) – Василий Клементьевич Бобров, архитектор по профессии, был первым, кто заметил способности мальчика и обучил его азам изобразительного искусства.

Впервые в 1931, а затем после службы в рядах Красной армии в 1937 году, Борис Французов приезжает в Москву, к старшим братьям. Он работает слесарем и в течение трех лет учится на курсах показательной изостудии ВЦСПС (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов) на отделении живописи и рисунка. В течение всей жизни он будет помнить своих знаменитых педагогов Константина Фёдоровича Юона¹

¹ Константиин Фёдорович Юон (1875–1958), живописец, театральный художник, мастер пейзажа, впоследствии получивший звание Народного художника СССР, известен также и в качестве выдающегося теоретика искусства.

и Давида Викторовича Мирласа². С 1938 г. Французов начинает работать в Москве, как художник, принимает участие в оформлении Выставки достижений народного хозяйства и готовится к поступлению в художественный институт. Сейчас мы можем только предполагать, какие обстоятельства навсегда сделали его графиком. Возможно, приобретенная на фронте и укоренившаяся позже привычка носить с собой блокнот для эскизов.

В сентябре 1942 года художник был призван на фронт. Люди, знавшие его, говорили, что в мирное время он никогда не рассказывал о своей фронтовой жизни. В декабре 1942 он получил тяжелое ранение в ногу. Случилось это предположительно близ Ржева. Долгое время (до 1944 года) Французов не знал, будет ли он ходить. Это были самые тяжелые годы в жизни художника. Они характеризовались глубокой депрессией вследствие полученной инвалидности. Но в это же время он понял, что искусство становится его опорой и главным делом жизни. Еще в госпитале он напишет на страницах фронтового блокнота московский адрес брата Андрея и просьбу передать ему эту маленькую книжечку, которая сопровождала его в боях и, поэтому, была дороже всех академических рисунков.

Странички старого блокнота открывают перед нами духовный мир человека, оказавшегося перед лицом смерти, в момент тяжелых нравственных и физических испытаний. Графика, ее техника в чем-то сродни журналистике или оружию быстрого реагирования. В перерывах между боями обостряются чувства, зрительное восприятие, слух. Исчезают все лессировки. Остаются только свет и мрак, и линия, как след движения на пересечении абсолютно черного и ослепительно белого.

О чем думал художник перед атакой, о которой он мелким почерком напишет в этом же блокноте? «22 августа. Пошли в наступление в 15.00. Нужно перерезать ж. дорогу. Два пальца попали под замок. Немного просекло». Удивительно: наш автор волнуется в принципе не о том, будет ли он жив, ранен. Важно, чтобы он не потерял способность рисовать, это для него главное.

В блокноте много портретов фронтовиков. На одном – мужчина средних лет в гражданской одежде, с головой обритой наголо. На втором – солдат в пилотке с красной звездочкой. Восхищают и мастерство рисовальщика, и его умение передавать самое неуловимое – эмоции, характер натурщика. Одинаково достоверно рисует Б.И. Французов сжатые губы, усталость человека с печальными еврейскими глазами и улыбающегося солдата с большими ушами, которые делают его облик и смешным и трогательным одновременно. Интересно, что среди сюжетов блокнота, а там помимо портретов есть пейзажи, интерьеры, жанровые рисунки, – встречаются работы, которые, на первый взгляд, не имеют никакого отношения к фронтовой тематике. Выполненные в академическом реалистическом стиле, они отображают образы подсознательного. Окоп – всего лишь линия на земной поверхности, но эта линия – граница между жизнью и смертью. Здесь проявляются базовые составляющие личности. В таких работах пластическое выражение находят мечты художника, его пристрастия в мире искусства, размышления о добре и зле, рухнувшей этике западного мира.

Среди множества натуральных зарисовок, пейзажей прифронтовой полосы, фигур солдат, выполненных в полный рост или отдыхающих, сидящих на пеньке, на земле, на поваленном дереве, на привале с котелком в руках среди расчерченных в клеточку листов-эскизов с батальными сценами, мы встречаем иллюстрации к западно-европейской классике и сюжеты эпохи Возрождения, навеянные лекциями Константина

² О Давиде Викторовиче Мирласе (1900-1942) известно, что он был сыном богатого лесопромышленника, в годы гражданской войны воевал на стороне Красной армии, учился в художественном институте в Москве, в мастерской знаменитого графика В.Ф. Фаворского и увлекался античной и ренессансной культурой. Д.В. Мирласу не было и 42 лет, когда он погиб

Юона. В это время мощный, как сейчас принято говорить, «бренд» западно-европейской культуры, освоенной им во время учебы в Москве волнует автора довольно сильно. На одном из листов блокнота – карандашный набросок художника, расписывающего фреску. Мы видим элемент арочного свода собора, а на художнике – длиннополую одежду 16-17 веков.

На другом листе – зарисовки к батальным сюжетом времен пугачевского бунта с пушками той эпохи, персонажами в лаптях и кафтанах. Иногда художнику чудятся страшные эпические картины всеобщего народного бедствия и разорения. Эскизы к будущим монументальным произведениям выполнены им на расчерченном в клеточку листе, ведь так легче будет перенести их на большой формат. Нечто подобное – не композиция даже, но некое видение будущей картины, как «Последний день Помпеи», зафиксировано художником в блокноте и дважды подписано: «Русь горит».

Неоднократно встречаются в блокноте персонажи западно-европейской литературы. На одном из рисунков – типичный немецкий бюргер с кружкой пива, на другом – возможно, судья из романов Оноре де Бальзака. Художник, мечтая о сотрудничестве с издателями книг, сознательно отработывал «иллюстративный стиль», как указано им под одним из рисунков с изображением трех типажей в костюмах 15-16 веков. Особенно хорош (на другом рисунке) образ молодого человека в шляпе с пером, камзоле с рукавами-буфами и видимым эфесом шпаги. Это уже потом, после тяжелого и горестного опыта фронта, после ранения, гамлеты, фаусты, титаны Ренессанса уйдут на второй план, уступив место главной теме его творчества – теме противоборства с фашизмом и подвига человека в этой войне.

Друзья и родные Б. Французова отмечали очень уравновешенный, сдержанный его характер. Он не часто давал волю эмоциям. В данном блокноте он дважды позволил себе открытым текстом выразить на бумаге свои затаенные мысли. Первый раз на листочке с пометкой 23 июля 1942 года: «Утро. Очень хочется рисовать». Второй раз – на упомянутом выше листе 22 августа перед атакой он запишет о своем желании «... иллюстрировать сказки, сказочные сюжеты, с обилием пищи, дикой природы, (рисовать) натюрморты».

Листы дневника художника шелестели от дыхания смерти. Но в этих небольших текстах так явственен приоритет духовного перед физическим, перед страхом, страданиями, голодом. Недаром в некоторых набросках художник рисует уютные интерьеры в русском стиле с резной мебелью, рушниками, столом, уставленным снедью.

В послевоенное время фронтовые эскизы стали основой для графических произведений художника. Быть графиком – это значит обладать очень специфическим, резким и конкретным восприятием мира. График видит не предмет, но линию, силуэт, самый нерв события, характера объекта. Он не растекается по цветовой палитре нюансами живописных эффектов, он преподносит нам свет и тень, добро и зло, покой и движение во всей их откровенной и пугающей правдивой обнаженности.

Пользуясь скугими средствами графики, Б. Французоз мог «нарисовать» целую историю в пластике тела, мимике лица, композиции. Вот девушка – медсестра с отрешенным, поистине бесцветным от горя лицом на картине «Санбат». Вот солдат, склонившийся над раненой лошастью, которую он будет вынужден застрелить при отступлении («Раненый конь»). Лучшие работы Б.И. Французова приобретают характер монументального произведения, к таким можно отнести графические листы «Выстрел в наш дом», «Освобожденное солнце».

Борис Французоз – прирожденный график. Творчество его подобно большому дереву с многолиственной, широкой кроной, ветвями-темами на мощном стволе мировоззрения автора, сформированного в грозах военного времени. Листая блокнот, мы понимаем главное: без фронтового опыта Б.И. Французоз стал бы совершенно другим художником. Рисунки из блокнота поражают своей искренностью до щемящей боли в груди. Тонкий штрих, безусловное знание автором анатомии и перспективы – все уходит на второй план потому, что никакая книга, никакой художественный фильм не дают такого чувства сопричастности к событиям тех лет.

